

Авторская серия
ЛЕНЫ СОКОЛ

Плей-лист

Кай

MAALA – Touch
Post Malone – Big Lie
Jonathan Roy – Keeping Me Alive
John Legend – Darkness And Light
Neo, Nio Garcia – DIABLO
Empara Mi – Blood In The Water
Ofenbach, Quarterhead feat. Norma Jean
Martine – Head, Shoulders, Knees & Toes
Rag'n'BoneMan – Be The Man

Мариана

Kat Leon – I'll Make You Love Me
Elley Duhe – Middle of the Night
Masked Wolf, Bebe Rexha – It's You Not Me
(Sabotage)
Mary Gu – Не влюбляйся
Ariana Grande – No tears left To Cry
Ariana Grande – Into You
Ariana Grande – Dangerous Woman
Ariana Grande – 7 rings

Финал

Sam Smith – Midnight Train
Kina, Au/Ra – Feel Again

ЧАСТЬ 1

Мариана

— **Ч**то там? — спрашиваю у толпящихся в коридоре студентов.

Из-за высоких дверей раздаются странные звуки. Будто кошку тошнит.

— Прослушивания, — бросает через плечо один из ребят. — Конкурс на дополнительный курс по вокалу.

— Ух ты... Ясно.

Значит, я опять заблудилась.

Сверяюсь со своим списком, затем смотрю на табличку с номером кабинета: 254-1. А мне нужна аудитория 245-1. Учебный год только начинается, а я уже второй раз опаздываю на лекцию. Катастрофа!

— Черт... — бормочу под нос, отрывая взгляд от ежедневника. — Где же...

— Первый курс?

Передо мной возникает парень. Высокий, светловолосый. С широкой, дружелюбной улыбкой.

— Что, прости?

— Я говорю, сегодня твой первый день? — Он сияет. — Ты первокурсница?

— Я? А... в общем, да, — задумчиво киваю.

— Так и подумал. У меня был точно такой же растерянный вид в первый учебный день. Или даже год. Ты заблудилась?

Я смотрю на него снизу вверх:

— К сожалению.

Парень понимающе заглядывает в мой ежедневник:

— В «Большом» легко потеряться. О, да ты составила расписание!

— С подсказками о расположении аудиторий, — смущенно признаюсь я. Закрываю ежедневник и прячу за спину. — И все равно умудрилась облажаться.

— Просто ты еще не выучила секретные ходы. — Его улыбка окутывает теплом. — Они не указаны в планах здания.

— Секретные?

— Да. Переходы, по которым можно быстро перебраться из одной части университета в другую. Идем, покажу. — Он мягко подталкивает меня в сторону лестницы. — Какая аудитория тебе нужна?

— 245-1.

— Это здесь.

Я послушно следую за парнем. Мы огибаем лестницу, сворачиваем за угол, и перед нами оказывается переход, уставленный горшками с роскошными растениями. Из панорамных окон открывается потрясающий вид на город.

— Ничего себе! — вырывается у меня.

— Сразу за переходом направо, — благородно пропускает меня вперед незнакомец. — Там нужна аудитория.

— Спасибо, а ты... — Я останавливаюсь.

— А мне в другую сторону. — Парень разводит руками.

И я еще раз отмечаю про себя, что он очень приятный.

— Спасибо еще раз...

— Макс. — Он протягивает мне руку.

— Мариана, — пожимаю ее. — Мариана Турунен.

- Плохая девочка -

— Так ты... неместная? — Его лицо вытягивается. — Ох, прости за бестактность.

— Нет, все хорошо. Мой папа финн. Мы из Сампо, это почти на границе, но уже восемь лет живем здесь.

— Тогда понятно, почему говоришь без акцента.

— Да. — Я бросаю взгляд на часы. Меньше минуты до лекции. — Ой, прости. Нужно бежать, иначе...

Макс понимающе кивает.

— Надеюсь, тебе понравится в «Большом», Мариана! — Парень изящно вскидывает ладонь. — Еще увидимся!

— Надеюсь, — краснею я.

Разворачиваюсь и быстро даю деру по переходу — не хочется, чтобы Макс обнаружил мой сияющий румянец.

Каким бы симпатичным ни был этот парень, мне сейчас нужно думать не о нем. Получить достойное образование в одном из лучших университетов страны — вот что я обещала маме перед ее смертью. И я шла к этой цели несколько лет. Прилежно училась, посещала репетитора и подготовительные курсы: все для того, чтобы поступить в «Большой» — так у нас называют этот университет.

Сейчас моя задача — сосредоточиться на учебе и не отвлекаться на посторонние дела. А если конкретнее: успешно справляться с основной программой, взять несколько дополнительных курсов и, если получится, пройти отбор на интенсив по истории мировой литературы.

Отец мог бы оплатить мое дополнительное обучение, но я не хочу его в это втягивать: наш семейный капитал и так значительно уменьшился за время болезни мамы — пришлось продать контрольный пакет акций компании деловым партнерам. Если мне достанется бесплатное место на интенс-

ве, это его точно порадует. Папа будет мной гордиться.

— Сразу быка за рога? — раздается чей-то голос, когда я уже почти дохожу до конца перехода.

— Что? — поворачиваюсь. Меня догоняет худенькая девчонка с медно-рыжими волосами и серебряным колечком в носу. — Это ты мне?

— Тебе, — усмехается она. — Мы с тобой здесь первый день, а на тебя уже обратил внимание Макс Лернер. Вы та-а-ак мило ворковали. Другие девушки могут только мечтать о таком!

— Это который... — указываю в ту сторону, где скрылся мой собеседник.

— «Лернер-логистикс», слышала?

— Кажется, нет. Нет.

— Ты что, с луны свалилась? — удивляется девушка. — Его семья одна из самых состоятельных в городе. Я Макса еще со школьных лет помню: он всегда был звездой гимназии, девчонки по нему с ума сходили.

— Ясно. Но меня это не интересует, — открываю ежедневник и еще раз сверяюсь с записями. Отлично, передо мной нужная аудитория.

— Точно с луны.

— Прости, — останавливаюсь, чтобы достать из кармана разрывающийся от звонка телефон. На экране незнакомый номер. — Алло.

— Здравствуйте, приемное отделение городской клинической больницы, — безэмоционально сообщает женский голос. — К нам поступил пациент после аварии, без документов, в его телефоне мы нашли ваш номер. Вы записаны в его справочнике как «Дочь».

Мое сознание мутнеет. Желудок скручивается в комок.

— У вас мой отец?.. Что с ним?!

- Плохая девочка -

— Вы должны срочно приехать. Он в состоянии крайней степени тяжести.

— Да, конечно. Назовите адрес!

— Для начала мне понадобятся данные вашего отца. Как его зовут?

— Турунен. Его зовут Харри Турунен!

— Это полное имя?

— Да. Без отчества.

— А вы?

— Я Мариана. Его дочь.

— Есть еще какие-то родственники, которым следует сообщить о его состоянии?

— Нет. — Внутри у меня все обрывается. — Только я.

— Хорошо, — звучит монотонный голос диспетчера. — Записывайте адрес.

Кай

Я вздрагиваю и просыпаюсь.

Какого черта?

Кровь глухо пульсирует в затылке, мышцы лопит, во рту дикая сухость. Я зажмуриваюсь, а затем снова открываю глаза. Часто моргаю, чтобы картинка прояснилась. И наконец, начинаю различать обстановку: темно-синие обои, идиотские малиновые шторы, гитара на стене.

Все ясно.

Я у Илона. Вчера была вечеринка. Я тусил до глубокой ночи, а потом...

Рядом что-то шевелится. И через секунду из-под одеяла показывается сонная девица: косметика размазана, волосы всклокочены, губы припухли и потрескались.

— Ты кто? — спрашиваю я.

— Алиса.

Она зевает.

— Понятно.

Ни черта, на самом деле.

Мне ее имя ни о чем не говорит. Не припомню, чтобы знакомился хоть с какой-то Алисой вчера ночью. Хорошо хоть симпатичная. И с красивой фигурой — это я замечаю, когда она потягивается, и одеяло спадает, обнажив ее грудь.

Меня мутит. Да так сильно, что на лбу проступает пот. Тяжело вздохнув, я стираю его ладонью и пытаюсь встать с кровати.

— Кай? — зовет она.

Значит, мы знакомы.

Поднявшись, я обнаруживаю, что полностью обнажен, но даже не пытаюсь прикрыться.

— Что?

— Мне понравилось, — мурлычет девица, перекатываясь по постели, чтобы лечь ближе к краю. Теперь она не отводит взгляда от моей задницы. — Повторим как-нибудь?

Значит, у нас точно был секс. Ах, ну вот. Я вижу на полу использованные средства защиты и пустую бутылку из-под виски.

— Где мой телефон? — оглядываюсь.

— Наверное, остался в кармане джинсов, — усмехается девчонка.

— А джинсы?

Мне нужны хоть какие-то подсказки.

— Внизу, в гостиной.

Я что, поднялся сюда *уже голым*?

Но вместо того чтобы произнести вопрос вслух, я сглатываю подступившую желчь и мычу:

— Хм.

— Да, хорошо повеселились, — подтверждает мои мысли незнакомка.

Как там ее имя?

- Плохая девочка -

Голова кажется до жути тяжелой, а свет из окна слепит так, что слезятся глаза. Прикрыв хозяйство декоративной подушкой, я покидаю комнату и бреду в поисках туалета.

Повсюду царит страшный бардак: на полу разбросаны пустые пивные банки, обертки, мишура, окурки. В смежных комнатах обнаруживаются спящие люди, лица которых я вижу впервые, но это не удивляет: просыпаться в незнакомых местах после загула со странными компаниями в последнее время стало для меня нормой.

В ванной комнате ждет еще одна находка — женские кружевные трусики. Кто-то повесил их на зеркало, точно трофей. Представив, чем тут могли заниматься этой ночью, я морщусь. А в следующую секунду еле успеваю наклониться над унитазом — спиртное покидает мой желудок вместе с остатками еды.

Воспоминания о вчерашнем вечере проносятся перед глазами, точно кадры киноленты.

«О, это же Кай, проходи, брат!»

Они все рады меня видеть. Кто-то тут же протягивает бутылку.

Какая-то блондинка садится на колени.

«Уйди прочь, не люблю блондинок! — стряхиваю ее с себя, точно пиявку. — Лживые куклы!»

А потом смех, крики, свист, танцы. Я говорю какому-то придурку, что его подружка позволит мне себя трахнуть, едва я поманю ее пальцем. Даже уговаривать не придется. Называю его «импотентом». И зря.

Сплюнув в последний раз, жму на кнопку слива. Выпрямляюсь, подхожу к раковине. Черт...

Область вокруг носа сильно опухла, даже глаза заплыли. Надо признать: выгляжу я дерьмово. Не дерьмовее, чем моя жизнь, но отражение в зеркале пугает. От боли не получается даже улыбнуться,

а прикосновение к переносице отдается дикой болью — череп буквально взрывается.

«Кай, все, хватит, прекрати!» — этот визг так и вибрирует в мозге.

Сначала тот козел ударил меня, а затем я его — бил, пока не содрал в кровь костяшки пальцев. Пока меня не оттащили. Если бы этого не произошло, я бы бил дальше — остервенело, яростно. До конца. Пока не убил.

Я не знаю жалости и не умею прощать.

Только физическая боль приводит меня в чувство. Мне нужен был его удар, и я его получил. Что было дальше — тоже вполне закономерно. Поразив противника, я забрал свой приз: Алиса — точно, так ее звали. Сначала она брыкалась — для вида, а потом повеселела, стала срывать с меня одежду прямо в гостиной под всеобщий смех и крики.

Возможно, она думала выставить меня идиотом. Раздеть и сбежать. Но я не дал бы ей такого шанса. Примерно представляю, чем мы с ней занимались всю ночь в спальне на втором этаже, но теперь, глядя на себя в зеркало, понимаю — перед таким уродом с разбитым носом она бы вряд ли сейчас раздвинула ноги.

— Ох, дружище, это настоящий кошмар, — с этими словами встречает меня Илон.

Друг морщится, глядя на то, что стало с моим носом.

— Не говори-ка.

Он лежит на диване, закидывая в рот чипсы и запивает их какой-то дрянью из жестяной банки. Его родители должны вернуться в обед. Либо друг не переживает по поводу их возвращения, либо еще слишком рано, чтобы об этом беспокоиться.

— Не знаешь, где моя одежда?

Илон безучастно пожимает плечами:

- Плохая девочка -

— Если ты хоть что-то отыщешь в этом бардаке, это будет чудом.

— Ты накурился, что ли? — машу перед его лицом рукой.

Такой заторможенный.

— Это любимая подушка моей мамы закрывает твои яйца или у меня галлюцинации? — вместо ответа стонет он.

— Помоги мне найти одежду, и я верну твоей мамуле ее любимую подушку, — рычу я.

— Она сама ее вышивала! — сокрушается Илон.

— Главное, что вещь пригодилась.

Друг медленно обводит взглядом мое тело: синяки, татуировки, загар, а затем вздыхает:

— Может, мне тоже заняться хоккеем?

— Ясно, — отмахиваюсь я. — В поисках одежды ты мне не помощник.

Начинаю исследовать гостиную, поднимать вещи, заглядывать под диванные подушки, за шторы, под кресло. Обнаружив свои боксеры, спешно натягиваю на себя, затем отбрасываю в сторону подушку.

— Э-эй! — плюется Илон, когда подушка попадает ему в лицо.

— Есть курить? — спрашиваю я.

— Ты же спортсмен, разве это не очень... — мямлит он.

— Есть курить, спрашиваю?

— Ок, дружище, не кипятись. — Илон выуживает из кармана пачку и зажигалку.

Прикурив, я продолжаю поиски. Швыряю вещи в разные стороны, не утруждая себя класть их на место. Бардак переходит из стадии «ужасный» в стадию «катастрофический», но мне плевать, тем более что Илону плевать вдвойне. Он точно под кайфом.

— Аллилуйя, — выдыхаю, обнаружив свою одежду на пуфе.

Надеваю джинсы, футболку, кожаную куртку — и все это, не выпуская сигареты изо рта.

— Здесь есть пепельница, — напоминает Илон.

Но пепел уже летит на ковер.

— Ой, извини, — хмыкаю я.

— Вчера кто-то снял, как ты бьешь этого парня в челюсть, и выложил в «Тик-Ток». Эффект с падением повторяется несколько раз, — хихикает Илон. — Падает, поднимается, падает, поднимается. Как неваляшка!

— Выложил? Серьезно?

— Ты стал звездой, дружище! — Он вытягивает ноги и кладет на стеклянный столик. — Там просмотров уже тыщ сто!

— Господи... — тушу окурок в пепельнице. — А где мой телефон?

Шарю по своим карманам.

Как раз в этот момент хлопает входная дверь, и через пару секунд в гостиной появляется Эмилия. Моя девушка.

— Здорова, сестренка! — приветствует ее Илон, закидывая чипсы в рот.

Он ждет очередное зрелищное представление, ведь на лице у нее написано жуткое негодование. Вбивая каблуки в пол, она бросается ко мне. Ей даже не нужно осматриваться, чтобы понять, что этой ночью тут веселились. Без нее.

— Привет, Эм, — хрипло говорю я.

Сейчас все будет по стандартной схеме. Она толкнет меня, начнет визжать, обвинять в том, что я конченный урод. Я промолчу. Затем она станет искать следы других женщин, а потом расплатится. И если Алиса к этому моменту не успеет спуститься и никто из участников вечеринки меня не вы-

- Плохая девочка -

даст, я просто прижму Эмилию к себе и скажу, что все хорошо и зря она волнуется.

А если ее и это не устроит и она начнет качать права, мне придется действовать грубо. Обвиню ее в том, что она не дает мне ни глотка свободы и ни сантиметра собственного пространства, а затем скажу, чтобы катилась ко всем чертям. И тогда девушка бросится ко мне на шею с извинениями. С ней все так просто и так предсказуемо — слава богам.

А еще Эмилия самая красивая девчонка в Сампо, и потому мы встречаемся уже три года. Как бы сложно временами ни было.

— Кай! — вскрикивает она.

Я натягиваю улыбку, готовясь к привычному выяснению отношений.

— Твой нос... — Она замирает.

— Да, вчера на игре, —жимаю плечами. — Пришлось принять обезболивающее.

Киваю в сторону Илона, и тот салютует ей бутылкой.

Эмилия замирает в метре от меня, заламывая пальцы, будто не может решиться сказать что-то очень важное.

«Это что-то новенькое», — настораживаюсь я.

— Кай, мне очень жаль...

— Да что такое?

— Твоя мать, она никак не могла дозвониться до тебя. Мы все не знали, где тебя искать...

— Какого черта? — не выдерживаю я, выпрямляясь.

— Это насчет твоего папы.

Желчь снова подступает к горлу. Внутренности словно завязываются тугим узлом. Мне хочется съежиться от боли. Я будто снова становлюсь невидимым. Снова становлюсь глупым одиноким мальчишкой, вздрагивающим от телефонных звонков

и щелчков двери в ожидании, что он вернется домой. Я снова на мгновение становлюсь подростком, мечтающим, что папа обнимет и скажет, как сильно любит.

А затем включается защитная броня.

— Не зови его так. — Я взъерошиваю волосы, прикуриваю еще одну сигарету и выпускаю дым. — Он мне не отец.

— Он умер, Кай, — дрожащим голосом сообщает Эмилия. — Твоего папы больше нет.

* * *

Помнится, мать тогда начала здорово прикладываться к бутылке.

Когда отец уходил на работу, она заваливалась на диван перед телевизором со стаканом дешевого портвейна — на хорошее вино не было денег — или с банкой пива. А к полудню ее уже было не растолкать. Мама спала сном мертвеца, а к вечеру, проснувшись, накачивалась еще сильнее. Отец стал раздражительным, срывался на нее за отсутствие ужина и грязную посуду, и тогда она устроила бунт — впервые ушла в запой и... из дома.

Мне было восемь, и я не очень хорошо помню, как именно и где она проводила время — был занят на тренировках. Но вечерние скандалы особенно врезались в память. Не застав ее дома после работы, отец уходил на поиски. Проверял темные подворотни, увеселительные заведения, квартиры соседей и сомнительные дома, больше похожие на притоны. А потом приводил ее, еле живую, или приносил на руках, если она была пьяна в стельку.

Так все кончилось, а начиналось более-менее сносно.

Я не помню, чтобы отец утешал ее, когда она начинала хандрить, или обещал, что вместе они спра-